

Г. Копылов

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

ЭКСТРАСЕНСОРНЫХ ФЕНОМЕНОВ:

ЗЛАЯ СУДЬБА «ЛЖЕНАУК»

ВВЕДЕНИЕ

Экстрасенсорные феномены (ЭСФ) обсуждаются уже больше ста лет ^{2*}. Меняется предмет обсуждений: на передний план выходит то спиритизм, то телепатия, то ясновидение, то телекинез, то омагниченная вода ^{3*}. Меняется тональность: то сообщение о близости разгадки очередной тайны вызывает массовые разговоры, то этот интерес почти прячется, и только колдуньи и астрологи продолжают свою жатву на ниве общественной потребности. Когда слабеет общественное доверие к «университетской» науке, специалисты по экстрасенсорике начинают востребоваться властными структурами, и тогда ведущие академики РАН бьют в набат и пишут, пишут, пишут о засилье лженаук.

И те же сто лет существует направление работ, связанное с **научным анализом** этих феноменов: сторонники этой программы решительно отрекаются от всякого рода «ненаучных» объяснений ЭСФ (ведическое знание, потусторонний мир, эзотерические учения...) Сами они стремятся так (минимально) видоизменить картину (физических или биофизических) процессов и законов, чтобы названные феномены перешли в разряд установленных фактов и научных явлений – то есть стремятся произвести их естественнонаучную рационализацию.

Эта статья носит методологический характер. В ней мы подвергнем анализу указанный подход с точки зрения современных взглядов на структуру и развитие научного знания – как естественного, так и гуманитарного. Каковы предпосылки формирования и существования этой (не очень заметной, но самоподдерживающейся) научной программы? Каковы ее перспективы? Как можно было бы ее трансформировать для вящей успешности? – вот темы нашего анализа.

Завершая это введение, отмечу, что я, автор статьи, и не предполагаю существования ЭСФ, и не отрицаю их наличия; я не высказываюсь ни за, ни против каких бы то ни было практических шагов по отношению к этим феноменам (исследование, применение, запрещение...); я не являюсь специалистом по ЭСФ ни с естественнонаучной, ни с психологической, ни с социологической точки зрения. Мне известно, что достаточно много людей эти ЭСФ видели, вызывали, исследовали (это не тождественно утверждению об их существовании!). Моя специальность – культурно-исторический и методологический анализ, и в этом качестве я буду обсуждать различные формы рационализации экстрасенсорных феноменов ^{4*}.

ПОПЫТКИ И ВЕРСИИ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Современная* общепринятая естественнонаучная (в первую очередь – физическая и биологическая, связанная с биофизикой организма и физиологией человека) картина мира отрицает реальность экстрасенсорных феноменов, поскольку не находит им достойного объяснения и места.

Телепатии не может быть потому, что все известные физике виды излучения относятся к электромагнитным колебаниям разной частоты; условия их возникновения прекрасно известны (они тысячекратно воспроизводятся в разнообразных технических устройствах); в

живых организмах этих условий (в первую очередь – зарядов, движущихся с ускорением) нет. Однако это еще не худший случай. Телепатии можно подобрать некий аналог в физическом мире – направленное излучение; свойства омагниченной воды можно объяснить формированием каких-нибудь специфических кластеров молекул; телекинез же или ясновидение – такого в физическом мире просто не может быть. Научные объяснения искать бессмысленно.

Невзирая на все эти соображения, существует три направления работ по вовлечению ЭСФ в орбиту естественной науки: утверждение самих феноменов как научных явлений, выработка новых теоретических представлений, и инженерное осуществление ЭСФ.

Первое из них хорошо известно по телепатическим экспериментам, начатым еще в середине века. Логика тут такова: до того, как искать теоретические объяснения ЭСФ, надо удостовериться в том, что явление вообще возможно, причем в форме, пригодной для последующего научного анализа (явление должно устойчиво воспроизводиться в определенных экспериментальных условиях). Поиск этих условий и ведется в исследованиях: ищутся корреляции между долей правильных ответов реципиента и различными внешними факторами, ищутся корреляции между «талантом» доноров\реципиентов и разнообразными «объективными» психофизиологическими параметрами этих людей и так далее.

Второе направление состоит в таком изменении картины мира, которое бы «оставляло место» для известного набора ЭСФ. Если предположить, что кроме электромагнитных излучений существуют какие-то другие, например, «продольные колебания вакуума», «торсионные поля», то далее можно будет отождествить их с «телепатическими волнами» и узаконить ту же телепатию не со стороны подтвержденных явлений, а с точки зрения теории. Проблема здесь в том, что уже около ста лет в науке работает идеал «создания единой научной картины мира», в соответствии с которым исследователи активно осуществляют сопоставление и замыкание индивидуальных научных предметов, взаимно интерпретируют их результаты, которые в итоге получают «поддерживающими» друг друга. Ценой многолетних и массовых усилий эта единая и согласованная (хотя бы в интерпретациях) картина создана, и изменение ее превращается в трудную и, скорее всего, непосильную для отдельных групп задачу. После изменения хотя бы одного элемента начинает «плыть» и все остальное¹.

Третье направление – не чисто научное, а инженерное: состоит оно в искусственном создании условий, при которых, как предполагается, ЭСФ будут проявляться наверняка. Рассуждение такое: пусть есть испытуемый, который иногда проявляет ЭС-способности, однако этот эффект воспроизводится плохо. При этом предполагается, что его организм становится источником (или приемником) неких «полей», что находит свое проявление в каких-то физиологических изменениях (например, возбуждение каких-то областей мозга). Тогда, вызывая внешнее возбуждение этих областей, мы, возможно, сможем инициировать появление этих полей или повысим к ним чувствительность, тем самым – добьемся нужного эффекта воспроизведения феномена и заодно установим «близость природы» данного ЭСФ и инициирующего инженерного воздействия. (Подобного рода инженерно-физиологические работы преследуют и еще одну цель: создание надежного средства проверки того, действительно ли испытуемый обладает экстрасенсорными способностями, или это жулик/сумасшедший).

«НАУЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТОДОЛОГА

В [\[1\]](#) истории естественных наук эти три типа действий по рационализации неизвестных явлений встречаются постоянно. И ничего бы необычного тут не было, если бы не простой вопрос: а почему вообще мы должны (или имеем право) считать, что ЭСФ относятся к сфере

естественнонаучного исследования?

Напротив, первый же непредвзятый взгляд на этот круг феноменов (напомним, что к ним относится телепатия, ясновидение, гипноз и т.п.) требует отнести их к чисто «человеческим» явлениям, таким как любовь, влечение, харизма, вдохновение, власть-подчинение, гумилевская пассионарность и так далее, и так далее. Если же мы будем считать, что для проявления этих феноменов требуются некие особые способности, то это позволит нам поставить их в такой ряд, как музыкальный слух, поэтический, педагогический или певческий талант, гениальность художника, одаренность спортсмена, тот же харизматический дар и т.д. Все это явления – безусловно реальные, чрезвычайно значимые, однако не входящие в епархию естественных наук. Более того, естественные науки, даже прямо относящиеся к человеку – физиология мозга, например, – уже по меньшей мере лет шестьдесят не берутся за описание явлений, которые мы относим к категории «гуманитарных». Почему же ЭСФ являются или считаются исключением?

Изложение нашей версии ответа начнем с некоторых общих фиксаций.

Всегда какая-то область знаний (или практики) в той или иной культуре принимается за **базисную** (см. [1]). Считается, что именно она – в идеале, в будущем, в потенции – сможет дать «последнее обоснование» всему, ответить на фундаментальные (а может быть, даже и на экзистенциальные) вопросы. До XVII века такой незыблемой опорой было богословие, возможно, до середины XIX века ею служила философия; после чего до сегодняшнего дня в этой функции выступает естественная наука.

Галилей в свое время отказался рассматривать все виды движения, введенные Аристотелем (перемещение, фазовые переходы, рост растений,...), ограничившись только локальным (перемещением), для которого он смог построить соответствующий идеальный объект. Этот шаг – сознательное сужение многообразия рассматриваемых явлений в соответствии с введенными идеальными объектами, «метод изоляции» [7] – оказался очень эффективным, он, собственно, лежит в основании логики всей современной предметно организованной науки. Считается, далее, что «оставшиеся за бортом» явления рано или поздно будут или сведены к уже построенным моделям, или попадут в «зону действия» других научных предметов.

Реально все остальные виды аристотелевского движения не сведены к локальному (к движению атомов, как начали говорить после) до сих пор. Но это не очень важно, поскольку идеал такой существует, и в его рамках действуют исследователи. А поскольку этот идеал протранслирован и в общественное сознание (через популяризацию или образование), получается следующее: чтобы для современного человека западной культуры нечто получило существование, его необходимо хотя бы вчерне, словесно, через интерпретации (возможно, что и неосмысленные для любого реального ученого) «привязать» к той или иной естественной науке.

В полном своем значении можно понять этот факт, воспользовавшись понятием **научно-инженерного мира** [2-4]: наука вместе с инженерией за триста лет сформировала свой собственный мир. В нем взаимно согласовываются и обосновываются: законы, вырабатываемые наукой, реализация этих законов в инженерных устройствах (структуры инженерии), сами вещи, созданные в соответствии с законами, результаты действия образовательных систем, структуры принятия решений и формы социокультурной рефлексия. Все названные «элементы» образуют **круг самообоснования**, который позволяет утверждать «истинность» построенного мира. Что же касается явлений и вещей, не входящие в этот круг – «непонятных» феноменов, инокультурных явлений и смыслов и пр., – то они первоначально получают свое право на существование внутри одной из названных структур, а затем, подвергшись научному объяснению и «овладению» (или хотя бы интерпретации), начинают существовать как полноправные вещи научно-инженерного мира, нашей «второй природы».

Тогда становится понятным, почему сторонники ЭСФ так активно ищут именно естественнонаучное объяснение этим явлениям: **для того, чтобы утвердить их существование самым достоверным из известных им способов**. Это необходимо именно из-за непроясненности и сомнительности всего этого круга феноменов. Действительно, например, про харизму или либидо известно, что это – отнюдь не выдумки (каждый испытал лично или прочитал у историков и беллетристов). Здесь достаточна ситуация «взаимного безразличия» естественной науки и этих явлений: как писал Шукшин, наука никак не относится к проблеме шаманизма у народов Крайнего Севера. И так известно, что шаманизм и либидо существуют, и вводить их в естественнонаучную картину мира незачем.

Далее, с Господом Богом такой ясности нет, и век или два назад предпринимались многочисленные попытки как-то «рационализировать» религиозные феномены и взгляды, или же доказать, что их нужно отбросить вовсе. Но существование Бога (земное существование) обеспечивается религиозными социокультурными институтами, и, опять-таки, нет нужды во включении его в картину мира (это стало понятным совсем недавно).

Но вот про экстрасенсорные феномены совершенно неизвестно (с точки зрения общественно-исторической практики) – есть они или нет, каков их статус, не бред ли это, не выдумки ли или жульничество...^[2] И, разумеется, в таких условиях перед сторонниками и защитниками ЭСФ встает задача обеспечить их существование (опять-таки, с точки зрения общественно-исторической практики) максимально убедительно и непреложно^{5*}. А это, с их точки зрения, может быть достигнуто путем придания им статуса природных, физических явлений, включения в «основную естественнонаучную» картину мира^[3].

Из нашей же методологической и культурно-исторической позиции эта программа представляется только одной из возможных и не самой эффективной. Во-первых, сам статус естественнонаучной картины мира как «базиса», «последнего основания» в последнее время проблематизируется (согласно концепции инженерных миров [2-4] она, эта картина, является базисной только внутри одного из миров, составляющих человеческую ойкумену). Но даже если на это можно и не обращать внимания, то уж совершенно необходимо учесть следующее: «включение в естественнонаучную картину мира» является не целью, а лишь средством – средством придать комплексу ЭСФ «законное существование».

Собственно, это последнее и является целью, в связи с которой могут ставиться совершенно разные задачи: «овладеть ЭС явлениями», «институционализировать изучение и использование ЭС феноменов», «объяснить ЭСФ», «включить в научно-инженерный мир с таким-то и таким-то статусом» – вариантов может быть множество! Далее, одна или несколько из этих задач могут решаться с помощью разных средств, только одним из которых является «естественнонаучная рационализация».

Следовательно, сторонникам этой программы стоило бы проанализировать свои цели и, возможно, выбрать иные пути для их достижения. Здесь мы опишем эти «иные пути» применительно к ЭСФ.

КАК ЖЕ ИНАЧЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Возникает естественный вопрос: а как же иначе? Как еще можно объяснить ЭСФ, кроме как с точки зрения естественных наук? Но, повторим еще раз, огромное число явлений, образующих самую ткань повседневной жизни, – мы назвали их «гуманитарными феноменами» – прекрасно (и на протяжении многих веков) обходятся без этого. Но тогда – как и за счет чего они существуют и оказывают влияние на социальную жизнь, на культуру, на человеческое самосознание?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим пример (сознательно полуабсурдный). Определенное место наверное в любой культуре занимает искусство пения. Воздействие

вдохновенно исполненной музыкальной композиции может быть поистине поразительным – наверное, далеко превосходящим действие какого-либо медиума или Кашпировского. Теперь представим себе ситуацию, когда это искусство по стечению несчастных обстоятельств погибло: все хоровые и вокальные школы распались, учителя сгинули, оперы и концерты прекратились, католики решили обойтись без месс, ноты прочесть некому, и лишь единичные аудио- и видеозаписи, запущенные на чудом уцелевших проигрывателях будут исторгать слезы восхищения из глаз случайных слушателей...

Разумеется, в следующем поколении будут рождаться люди с соответствующим голосовым аппаратом, некоторые из них случайно, самоучками, обучатся пению и сумеют издавать неслыханные звуки, которые будут воздействовать на людей сильно и странно (именно такова ситуация с ЭСФ и с людьми, проявляющими этот круг способностей).

Теперь предположим, что возникла программа воссоздания искусства пения, и за ее осуществление берутся физики и биофизики (как они взялись за программу поиска физического объяснения ЭСФ). Не смешными ли покажутся нам их попытки:

- 1) воссоздать явление пения в серии, предлагая испытуемым пропеть ту или иную фразу и удивляясь, что искомое воздействие на слушателей (восторг, катарсис и пр.) наступает нерегулярно;
- 2) мерить акустические поля, испускаемые испытуемыми, строить их пространственно-частотные распределения и измерять объективную реакцию слушателей (с помощью датчиков кожного сопротивления, как на детекторах лжи);
- 3) исследовать анатомические особенности самых отличившихся «излучателей чарующего поля»;
- 4) пытаться фиксировать воздействие этого «чарополя» на воду с ее устойчивыми кластерами, меряя изменение ее сопротивления;
- 5) воздействовать СВЧ-полями на легкие, голосовые связки и мозг этих отличившихся излучателей с тем, чтобы активизировать ответственные за излучение экстаза зоны организма...

Действительно, звучит как-то глуповато... Но что же будет действенным для воссоздания искусства пения в такой ситуации? Мы уже фактически дали наметки ответа, описывая, что может привести к подобной разрухе – только надо прочесть этот текст «в положительной модальности».

Прежде всего, потребуется воссоздать певческие школы, Для этого потребуется умение учить пению, и не только один на один с верным учеником, используя тот язык и те приемы, которые наиболее подходят лично для него, но и объективировать язык и приемы до такой степени, что их смогут понимать и превращать в действие профаны и начинающие. Разработать последовательность обучения, программы и курсы, квалификационные испытания. Придумать что-нибудь аналогичное нотной записи, позволяющую управлять голосом и воспроизводить «мелодию» – при этом индивидуальное мастерство будет наслаиваться уже поверх нее. Организовать профессиональные конкурсы, систему критериев, принципы формирования жюри. Создать систему стилей и жанров, чтобы начинающий мог адекватно и максимально эффективно «найти» и проявить себя. Сформировать сферу публичного использования певческого искусства: концерты, оперы, вокальные циклы. Возможно, придать ему сакральный смысл, либо начав использовать его в службах какой-либо религии, либо специально соорудив какую-нибудь секту. Возродить композиторское искусство, которое для воссоздаваемой сферы будет служить источником «компендиума певческих задач», коллекции шедевров для все нового их воспроизведения. Создать формы вовлечения детей и любителей – для формирования будущих исполнителей, а главное, слушателей-потребителей. Воспользоваться современными приемами «раскрутки»

или, если это кажется слишком недостойным, подгадать к какой-нибудь решающей исторической ситуации и навеки слить в национальной культуре расцвет певческого искусства и народное усилие (именно так, на волнах исторических перемен, возникли греческие трагедии, итальянская опера, французский театр, русская литература, советское кино 60-х).

Одним словом: необходимо будет **институционализировать** искусство пения, и добиться того, чтобы этот социокультурный институт занял свое место в ряду всех иных. Реальный исторический пример такого рода – «спорт высших достижений», превратившийся за 150-200 лет из любительского и культурно-локального национального британского увлечения в мощный институт современного мира.

Но вернемся к ЭСФ. Фактически, анализ программы их естественнонаучного объяснения показывает, что смысл и цель всей этой деятельности – также институционализация всей области ЭС-проявлений и ЭС-способностей, а поиски научного объяснения – средство для этого (наверное, оттого, что иные средства плохо известны сторонникам этого направления). Ведь программа состоит в том, чтобы воспользоваться для «отгораживания» места для ЭСФ институтом науки, а исследования по ЭС-тематике сделать столь же научно-законными, что и любые иные, традиционные. Это означает, что те возможности институционализации, которые мы перечислили для феномена пения, вполне пригодны для институционализации ЭСФ: создание школ, квалификационная система (причем внутренняя, а не внешне-объективная!), культурное внедрение, создание отчужденной и транслируемой символики и системы жанров...

Подумавши, можно найти и реальный пример подобной институционализации – гомеопатия. Не втягиваясь в споры и дискуссии относительно теоретических основ своего метода, она прочно занимает свое отвоеванное место в социальной жизни. Причем, мне здесь не важно, делаются ли попытки каким бы то ни было образом «обосновать» гомеопатию, состыковать ее – давно разработанные, но не вписывающиеся в «согласованную научную картину мира», – теоретические представления с теоретическими картинками «обычной» медицины. Такие попытки делаются, но они уже не играют никакой роли, поскольку гомеопатия приобрела характеристики социального института и не будучи «научно обоснованной» (у нее есть свои системы обучения, практикования, передачи опыта и т.д.). Если даже эти объяснения и будут найдены, они ничего не убавят и не прибавят к месту гомеопатии. Совершенно аналогичное место занимают различные гипнотические техники.

По-видимому, в последние 30 лет этот же путь социокультурной институционализации успешно завершает акупунктура. А «вписывание» тех теоретических картин и оснований, которые имеют у себя гомеопатия и иглоукалывание, заботит не их «служителей», а внешних исследователей, сторонников «единой научной картины мира». По-видимому, к этой же категории мы должны отнести и тех, кто занимается онаучиванием ЭСФ.

Мы можем сделать вывод, что метод социокультурной институционализации является достаточно обычным, а, следовательно, вполне применимым для области ЭСФ. Но и он не самый «одиозный» из тех, которые может предложить современная методология гуманитарных практик по отношению к традиционным программам естественнонаучного обоснования.

КАК ЖЕ ИНАЧЕ: ОФОРМЛЕНИЕ В МИР

Историческое формирование социокультурных институтов – начиная, пожалуй, с Возрождения – достаточно обычный процесс (о котором не подозревают, пожалуй, только адепты естественной науки, полагающие, что они прикоснулись к «фундаменту подлинного бытия», а все структуры ойкумены должны опираться именно на этот позитивный фундамент; то, что сама естественная наука создалась как социокультурный институт совсем

недавно, они, по-видимому, просто не знают).

Между тем, XX век вызвал к жизни и совершенно новые образования, в основу которых была положена идея формирования практики в согласии с определенной теоретической сущностной конструкцией, каковая, в свою очередь, начинала обосновываться созданной практикой. Методологическая рефлексия, а затем и схематизация подобного «региона самообоснования» приводит к необходимости введения понятия «локальный мир» (или просто «мир»). (Как мы уже бегло отмечали выше и подробно обсуждали в [2-4], такое «формирование мира» было впервые «опробовано» именно при создании естественных наук, однако сам ход был осознан только сейчас, когда он стал применяться раз за разом.)

Имея данную схему или понятие, мы можем, во-первых, отыскивать некие элементы (признаки) формирования миров в процессах социокультурных трансформаций, по-новому их интерпретируя; во-вторых, обсуждать социокультурные процессы как процессы, соотнесенные с миром (их функционирование, формирование вещей мира, взаимодействие и социокультурное существование миров и т.п.); в-третьих, использовать понятие мира в качестве «проектной идеи» или «программного замысла» для социокультурных действий. Что же касается институтов, то с этой точки зрения они являются составными частями миров, обеспечивая их социальную прикрепленность.

Это выводит нас еще на один момент отличия мира как современной формы осуществления социокультурных инноваций: формирование (и исчезновение) института – процесс исторический, поколенческий, мало подвластный управленческим усилиям. Для вышеприведенных примеров институтов времена формирования таковы: наука – 200 лет, спорт – 150 лет, гомеопатия – 1000-500 лет; китайские коммунисты не смогли (почему – неважно) что бы то ни было сделать с многотысячелетними институтами, регулирующими жизнь китайцев (селян, в основном) – зато теперешний рынок базируется именно на этих институтах.

Формирование же локального мира – вполне проектно и технологически обозримое действие, в котором даже можно выделить несколько шагов (направлений работы):

- 1) Создается теоретическая доктрина онтологического (сущностного) характера (в ней обязательно должны быть две составляющие – первая касается устройства мира, вторая – тех форм человеческих или социальных отношений, тех норм, которые этому устройству «соответствуют»)[4]
- 2) Методами (самыми разными) социокультурных технологий эти социальные отношения начинают формироваться – так, чтобы «внутри» и по сопричастности с ними данная доктрина была бы (!) верной.
- 3) формируются (вербуются, заново воспитываются, переучиваются) люди, для которых данные социальные отношения и, соответственно, теоретическая картина, является «первой реальностью».
- 4) создаются механизмы (средства, приемы, формы) интерпретации, позволяющие перетрактовать вещи и явления «иной реальности» в вещи и явления данной. Например: вещами естественнонаучного инженерного мира являются материализованные в инженерных устройствах идеальные объекты. Это означает, что в науке-инженерии построены специальные формы мышления (задачные) и специальные технологии, которые обеспечивают подведение любых явлений под идеальные объекты науки – а неподдающееся, типа ЭСФ, отбрасывается за несущественностью и в связи с несуществованием. Такие или аналогичные механизмы в каждом мире должны создаваться заново.
- 5) начинают формироваться (а гораздо чаще – использоваться готовые) социокультурные институты, обеспечивающее социальное существование нового мира. Так, все современные придуманные религиозные культы – кришнаиты, Белое Братство и т.п. – используют для

собственного укоренения институт религии (да и вообще они очень искушены в современных средствах «раскрутки»); марксизм-ленинизм пользовался институтом науки (авторитетом научности).

Таким образом, формировать миры – можно. Мы полагаем, что задача оформления ЭСФ в особый мир более легко выполнима, более эффективна, нежели задача поиска научных основ существования ЭСФ и включения их в единую научную картину мира. Чтобы пояснить эту мысль еще раз, рассмотрим вполне парадоксальный пример.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» АСТРОЛОГИИ

Слово «доказательство» здесь поставлено в кавычки – речь не пойдет о доказательстве ни в физическом, ни в математическом смысле. Однако астрологические представления вполне можно сделать фактом социальной реальности ^{6*} так, чтобы затем она, эта реальность, доказывала их истинность (между прочим, **точно так же**, как реальность современных технологий, в которой мы обитаем, ежечасно демонстрирует истинность естественнонаучной картины мира).

Для определенности примера под астрологическими представлениями мы будем понимать комплекс идей о влиянии астрономического времени рождения человека на его судьбу и о благоприятных /неудачных днях для разных людей в зависимости от положения светил.

Так вот, для того, чтобы подобные идеи сделать верными, нужно только одно: последовательно строить социальную реальность в соответствии с ними.

Начать со школы: в согласии с педагогикой сотрудничества, в неблагоприятные для детей дни не загружать их, а ответственные задания давать им только тогда, когда позволяют светила. Чтобы из-за этого учебная программа не испытывала неудобств, набирать в классы учеников в соответствии со знаком Зодиака («созначников»); отличие массовых школ от элитарных будет заключаться, в частности, в том, что во вторых при распределении учебной нагрузки и учебного плана будут учитываться более тонкие особенности гороскопа. Школьные астрологи при переходе в 10-й класс сообщат ученикам и их родителям, к чему в соответствии со своим знаком имеет склонность подросток.

Эти профессиональные заключения будут получать подтверждения при поступлении в ВУЗы: в Физтех для Львов проходной балл будет 16, а для Близнецов – 19, в Плехановский – наоборот. Куда-нибудь не будут вовсе принимать Козерогов. Комментарий: мы полагаем, что эти принципы приема будут не хуже и не лучше любых других, так как способности рассеяны по любым человеческим выборкам равномерно, а пестуемый свой-по-знаку окажется примерно в равном положении с непризнаваемым и обучаемым постольку-поскольку «чужезначником». Следовательно, никаких явных недостатков или дефектов, которые бы могли обнажить ее несостоятельность, в такой системе выявить невозможно.

Точно так же дело обстоит и с астросообразными принципами социальной карьеры: ничего плохого общество не перетерпит, если в армию будут набирать преимущественно (и даже исключительно) Тельцов, в управление – Весов, в медицину – Водолеев. Но уже через десять-пятнадцать лет действия этих принципов все «вторые эшелоны» или «кадровые резервы» в любой сфере будут заполнены соответствующими по знаку кандидатами, и тезис о судьбоносном характере знака рождения получит явное социальное, жизненное подтверждение.

Но подлинную реальность астрологические принципы приобретут тогда, когда родители будут планировать рождение детей, предусматривая их знак и программируя социальную карьеру. Появится масса популярных изданий: «Как приготовить Овена-мальчика к предназначенной ему судьбе ученого», «Воспитание Рыбы в семье Рак-Скорпион». Будут созданы клубы для общения однознаковых людей и психологические тренинги «Судьба и

характер». И не более чем через два поколения астрологические представления приобретут реальность!

Эта фантазия недалеко ушла от того, что сегодня происходит и так: кое-где делаются попытки ограждать школьников от излишних нагрузок в неблагоприятные для них дни; есть работодатели, принимающие на работу сотрудников только после консультации с кадровиком-астрологом; практикующие психологи и те, кто хочет или должен оказывать влияние на других (коммивояжеры, сетевые маркетологи, рекламщики) активно пользуются астрологическими представлениями поскольку знают, что это будет воспринято и понято: некоторые стараются вести себя в соответствии со своим гороскопом. (Но я не говорю здесь о многочисленных печатающихся гороскопах, поскольку напечатать можно что угодно, а я не знаю, насколько ими пользуются и реально ли учитывают их в своей жизни читатели – а важно именно это) ^{7*}.

И не стоит здесь срочно клеймить «мракобесие XX века», «массовые предрассудки», «засилье лженаук». Социальная жизнь регулируется огромным массивом реализованных представлений, из которых как астрологические, так и «собственно научные» занимают очень небольшую долю. Действительно, чем то, что сфантазировано выше про астрологию, отличается от привычных социальных обыкновений и регулятивов?

Например, при приеме на работу используются – как главный и определяющий критерий – психологические критерии и/или тесты.

Или: различные национальности в России прочно ассоциируются с различными, подобающими им, занятиями (и главное, внешнее подталкивание приводит к тому, что такие представления о подобающем и неподобающем начинает включаться в самоопределение): украинцы – лучшие сержанты (бедная Российская армия!), евреям положено идти либо в науку, либо в торговлю, либо убираться в свой Израиль и т.п.

Или: список неблагоприятных по солнечной активности дней уже лет пять входит в стандартный прогноз погоды, и люди с больным сердцем сверяются с ним.

Или: лет десять, в 70-80-е годы, любой интеллигентный человек время от времени поглядывал на свою биоритмограмму.

Я специально выбрал примеры разной степени рационализированности и неоднозначности. Но все это – примеры того, как люди начинают жить в согласии с некоторым онтологическим представлением, тем самым придавая ему определенную степень реальности. «Определенную» – потому, что здесь речь идет пока о социальной условности или модном веянии⁵. Если же системы реализации данного представления протраиваются как отчужденные от людей и институционализуются – тогда и можно говорить о формировании локального мира.

Неоднократно обсужденный пример – реализация классовых представлений об обществе (которые с эпистемологической точки зрения ничем не отличаются от астрологических).^{8*} Пока классовый взгляд культивировался узкой группой марксистов и даже пока он был принадлежностью «сознательной части рабочего класса» – он был лишь одной из общественных теорий. Но когда были созданы организации и институты, которые его реализовали – тогда оформление в особый мир было завершено, и истинность классовых представлений теперь демонстрировалась всей социальной практикой 1/6-й суши.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В связи[5] с последним примером мне могут возразить: классовые представления – они «об обществе», о чисто человеческих установлениях, которые могут быть теми или иными, и совсем иное дело – астрология или физика. Обе они говорят – одна ложно, а другая истинно,

– «о природе», о том, что человеку неподвластно, и потому «оформлять в мир» те или иные представления, не предварив этот процесс научным доказательством – это заниматься социальным фокусничеством, манипуляцией с сознанием, постмодернистскими штучками. Вот, например, недоброй памяти Лысенко – что за жуткую память он оставил после себя, что за развалины на месте биологии, а все потому, что принялся внедрять свою «советскую агробиологию» при помощи чисто социальных механизмов.

Но тут не все так просто. Да, действительно, Лысенко пытался сконструировать особый мир, где агробиология была бы верна, где она бы подтверждалась социальной практикой (поскольку всем опровергателям был бы сначала заткнут рот, а потом они бы и вовсе исчезли). В принципе это могло ему вполне удастся (помешали конкретные исторические обстоятельства). Получившийся мир можно было бы охарактеризовать как монстроидальный или ублюдочный, уродливо-смешанный. Комплекс представлений естественнонаучного характера – «мичуринская агробиология» – реализовался бы не с помощью естественнонаучной инженерии (селекции или генной инженерии), а непосредственно методами социальной реализации и интерпретации (как если бы речь шла о представлениях об общественном), то есть несобственным образом.

Но – обратите внимание! – эти едва не воплотившиеся в реальность конструкции как раз и могли появиться только потому, что те явления, которые пытались объяснить с помощью агробиологических представлений, трактовались как «природные». Соответственно, агробиология понималась и строилась как естественнонаучная дисциплина. Это приводило к двум последствиям.

Во-первых, в ней применялись – или делались попытки применения – критерии доказательности, характерные для естественных наук (истинность вывода должна быть продемонстрирована независимыми $\text{y}\acute{\epsilon}\tilde{\eta}\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\delta\epsilon\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\iota}\delta\tilde{\alpha}\tilde{\iota}\tilde{\epsilon}$, в строго контролируемых условиях и т.п.). А поскольку научные доказательства получить не удавалось, то и приходилось прибегать к изъятиям учебников, оппонентов, научных направлений, переинтерпретировать факты, объявлять часть из них незначимыми и т.п. [6]

Во-вторых, поскольку тогда господствовали идеи единого объективного мира и кумулятивного научного познания (как постепенного приближения к истине), нельзя было ввести новое (агробиологическое) представление, не убрав тем или иным образом старое (вейсманистско-морганистское), не превратив его в заблуждение. Полагалось невозможным построить «параллельную», «столь же истинную» концепцию в рамках естественнонаучной картины мира.

Вывод отсюда такой: действительно, попытка «любой ценой» оформить в мир представление, относящееся к категории естественнонаучного, приводит к массированным социальным манипуляциям. Но характер представления не определяется характером объекта!

Если говорится, что одни объекты являются природными, а другие – социальными (гуманитарными), то это означает лишь, что существуют культурно-исторические нормы, предписывающие рассматривать первые как живущие законосообразно, «по природе», а вторые – как созданные и создаваемые человеком, отнесенные к ценностям и т.п. Но то или иное конкретное представление не обязано зависеть от традиций, предлагающих относить, например, вопрос движения камня к естественной науке, а вопросы движений души или социальных движений – к общественным. Так, научность марксизма в СССР была не пустым лозунгом: марксизм – общественная теория – реализовался в Советском Союзе именно как естественная наука: единственно возможная, говорящая об объективных законах общественного развития. И именно потому последствия его господства были столь разрушительными для общественной мысли: мир, где был верен марксизм, строился как естественнонаучный – безальтернативный, превращающий любые другие концепции в заблуждения, тотальный, то есть стремящийся объяснить все (вспомним идеал единой

научной картины мира!).

Агробиология тоже строилась как естественнонаучная дисциплина; последствия мы обозначили. Они были столь тяжкими не потому, что ее внедряли с помощью социальных манипуляций – наоборот, последние были лишь следствиями того, что она трактовалась как естественная наука.

Но для астрологических представлений (и для экстрасенсорных феноменов!) такая трактовка вовсе не является обязательной и очевидной. И оформление в мир представлений, полагаемых гуманитарными, связанными с изменением человеческих установлений, вполне возможна и законна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вспомним ход наших рассуждений. Мы критикуем программу по включению экстрасенсорных феноменов в единую естественнонаучную картину мира. Мы попытались проблематизировать установку на то, что ЭСФ должны подлежать ведению естественных наук. Возникновение этой установки понятно: она обусловлена обстоятельствами места и времени возникновения интереса к ЭСФ, неочевидностью и шаткостью свидетельств. Однако с тех пор наука утратила статус базисной объясняющей дисциплины, зато далеко ушли вперед гуманитарные практики.

Мы предположили, что «онаучивание» ЭСФ является не конечной целью сторонников этой программы, а – реально – средством для «респектабилизации» этих феноменов, для их социокультурного признания как законно существующих и существенных. Если это так, то имеется более короткие, современные и эффективные пути достижения этой цели: социокультурная институционализация и/или формирование соответствующего мира. Но необходимым условием для реализации этих программных ходов является отказ от естественнонаучного понимания ЭСФ и проработка их как гуманитарных и социальных феноменов (связанных с человеческими задатками и способностями или с социальными механизмами их проявления и «работы»).

И, кстати сказать, только тогда проблематика ЭСФ утратит все основания считаться «лженаукой» (то и дело приходится слышать подобные высказывания) и приобретет добропорядочный статус – например, социально-эзотерической практики, антропологического учения, или религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. P.Feyerabend. Galileo and the Tyranny of Truth. In: Farewell to reason. Verso, 1987. (Есть русский перевод: П.Фейерабенд. Галилей и тирания истины. Кентавр, № 19, с. 26-33).
2. Г. Копылов. Научное знание и инженерные миры. Кентавр, №1, 1996, с. 16-22.
3. Г. Копылов. Хроника загубленного мира, или Как злокозненный Вольтер целый мир погубил. Кентавр, № 17, с. 10-19.
4. Г. Копылов. О мифе научной истины. Кентавр, № 19, с. 44-51
5. С. Попов. Организационно-деятельностные игры: мышление в зоне риска. Кентавр, 1994, №3.
6. П. Гайденко. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). М., Наука, 1987, 448 с.
7. Г. Щедровицкий. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах. М., 1999, 352 с.

Фрагменты письменной дискуссии с Т.В.Бочкаревой

1* **Т.Б.:** Я, очевидно, сделала ошибку, фиксируя замечания в прямой привязке к тексту и не предъявив своей позиции и своего отношения в целом к рассматриваемому вопросу. Для меня предмет обсуждения – не этот конкретный текст. Но, раз уж уже «запущен» такой характер отнесения, то завершаю в том же ключе.

2* **Т.Б.:** Почему «ста лет»? Разве в Библии не рассматриваются ЭСФ?

Г.К.: Нет, конечно – они стали ЭСФ только по отношению к (естественно) научной картине мира.

Т.Б.: Дело не в названии («экстрасенсорные...»), а в сути явления. Мне кажется, что важно обсуждать не «ЭСФ как элемент научной картины мира», а то, как подобное явление (неважно, как называть) отражается в разных мировоззрениях.

3* **Т.Б.:** Не однородный ряд; чем он задается – каким представлением автора о ЭСФ? Иначе сюда попадают все явления и процессы, которые не имеют определенной отнесенности в восприятии человека современной эпохи НТП.

Г.К.: Именно так: явления с неопределенным статусом. Только не «в восприятии человека», а «в объективированном (в вещах и проектах) мире».

Т.Б.: С этим согласна, но это не меняет сути вопроса – чем задается весь ряд?

Для меня значима неразрывность связи мировоззрения (определенной картины мира как совокупности знаний о мире) с соответствующим мировосприятием, «живущим» на его носителях. Поэтому рассмотрение ЭСФ, обозначенных таким образом в научной картине мира (НКМ), с методологической точки зрения для меня означает не только способ объективации этих феноменов, но и сравнение с наличием и предъявлением полагания феноменов, подобных ЭСФ, в других системах мировоззрения.

4* **Т.Б.:** Постановка вопроса о рационализации, которая относится к понятийному кругу естественнонаучного знания, невольно ставит автора в ряд адептов отработки научной программы в области экстрасенсорики, – хотя позиция заявлена методологическая.

Г.К.: По-моему, это непонимание: я не занимаюсь рационализацией и не ставлю о ней вопроса, я обсуждаю, как это делают другие.

Т.Б.: Это понятно, но обсуждаешь ты это все же с позиций рациональности. Отсюда вопрос о картине мира, носителем которой является СМД-методология. В частности, путь социальной инженерии воспринимается как путь рационализации (ты обсуждаешь на примере ЭСФ). Но на мой взгляд, недостаточно только конструктивного взгляда с позиции «как» – не менее значимы и другие вопросы: «что», «где», «зачем», «когда»...

5* **Т.Б.:** «Обеспечить их существование максимально убедительно» – за всю историю человечества или за период доминирующего научного мировоззрения?

Г.К.: Конечно, «за период» – я обсуждаю, что они делают **сейчас**.

Т.Б.: Вопрос о временной отнесенности, культурно-исторической привязке возникает, поскольку общественно-историческая практика охватывает не только современный этап распространения НКМ, а весь сохранившийся в разных культурных традициях опыт человеческой цивилизации. Последний момент становится значимым в случае, если речь идет не об изменении сложившейся за последние столетия НКМ, а о формировании другой, более целостной мировоззренческой картины – соразмерной культурно-исторической практике в эпохальном масштабе смены цивилизаций.

6* **Т.Б.:** А нужно ли астрологические представления делать фактом социальной реальности?

Г.К.: Дело не в том, нужно ли, можно ли, или нет – моя направленность в другом: проблематизировать установку на единственность и базисность естественнонаучной картины мира и самого подхода на максимально парадоксальных примерах.

Т.Б.: Но эти парадоксальные примеры не имеют отношения к предмету твоего анализа. Я тебя спрашивала: они (ЭСФ и астрология) – в одном ряду? Предполагаю, что для тебя – да: ты этим оперируешь для большей наглядности. Вопрос о «нужности» относится не к примеру как таковому, а к твоей принципиальной позиции – к работе с этим рядом или рядом явлений в инженерном плане.

7* **Т.Б.:** И эта фантазия, и действительность свидетельствуют о нынешней социокультурной ситуации с астрологическими и астрософическими знаниями – их профанация представителями «базарной» астрологии на фоне доминирования монотеистической (главным образом естественнонаучной) картины мира.

Г.К.: Это замечание (особенно слово «профанация») свидетельствует о том, что ты работаешь как человек-обладающий-истинной-картиной-мира (таков ученый, таков астролог, таков теософ). Любопытно, что ты, фактически, повторяешь те обвинения (характеристики), которые предъявляют по отношению к современной ситуации ученые: что массы отвернулись от науки, и ее место в «базарном» сознании заняли псевдоформы. И это правильно, но вывод ни они, ни ты, на мой взгляд, не делаешь. А выводы, по-моему, такие:

1) надо перестать твердить об «изначальной истинности» и всеобщности своей области – науки ли, астрософии ли – и признать ее «сделанность» и локальность.

2) надо начать активно и сознательно пользоваться современными средствами социального и социокультурного продвижения своей области (а не плакаться, что, мол, «базарники» затирают, профанируя) – и доказывая истэблшменту, что сила и процветание государства зависит сегодня от развития науки (или, соответственно, астрологии), и применяя самые разнообразные активные PR-формы...

Так что, возвращаясь к предыдущему замечанию, может быть и «нужно» – только не мне, а самим астрологам.

Т.Б.: Несколько возражений.

1) Пока я здесь стала бы говорить только о **целостной** картине мира (на которой базируется и астрология), как более мощной по сравнению с НКМ. Об этом свидетельствует историко-культурный опыт предыдущих (не европейской) цивилизаций. Отсюда и явное или неявное стремление современных ученых к единой картине – попытка упрочить основания своего мировосприятия и соответствующего мировоззрения.

2) «Сделанность»? – Но можно сделать вопреки природным законам, а можно соразмерно им – тогда сделанное становится сотворенным, и «творение» получает право на жизнь в своем локальном мире, а не только временное существование.

3) Вопрос о «локальности» не только пространственно-временной; важна неразрывная связка локального,

Окончание на с. 58 Ö

общего и всеобщего. И именно на этой связке базируется астрософия, а астрология только предоставляет необходимые средства, инструментарий для оперирования локальным в соотнесенности с общим и всеобщим.

4) «Социокультурное продвижение» отнюдь не является целью. Вопрос стоит о восстановлении целостного мировоззрения, позволяющего осознанно конструировать «локальный мир» – **творить, а не вытворять** в нашем земном мире.

^{8*} **Т.Б.:** Своеобразный взгляд. Но далее проявляется не эпистемологическая точка зрения, а рассматриваются основные моменты социальной адаптации. Распространение знаний носит более культурный, чем социальный характер. Кроме того, астрологические знания, как и все эзотерические знания и практики, не распространяются, а осваиваются.

Г.К.: Каюсь, но с моей точки зрения, к вопросам эпистемологии (то есть форм отношения знаний и «реальности») относятся и моменты социальной (или социокультурной) адаптации, и моменты формирования институтов. К двум базисным процессам на «схеме знания» (идеализация и отнесение) надо добавлять реализацию (а само знание погружать в контекст реализации – в мир).

По поводу же «не распространяются, а осваиваются» – вот-вот-вот, все вы так: рассматриваете вашу любимую область изнутри, как идущую от Библии или из иной древности культурную традицию, к которой можно «подключиться», «освоить». Но это – позиция «астролога» или «ученого», в отличие от «деятеля астрологии» или «деятеля науки». Позиция Иоанна-философа, а не Павла-организатора. Павел не сказал бы «учение Христа не распространяется, а осваивается» – он делал все, чтобы его распространить. Социально и социокультурно продвинуть...

Т.Б.: Не спорю с этим – конечно, эпистемология включает и реализационную линию познания мира наряду с проникновением в сущностные моменты. Хотела подчеркнуть, что социальная адаптация – это частный случай процесса реализации, который часто и приводит к «вытворению» в отличие от культуросообразной реализации (с четким пониманием – что, кто, где, когда, как и зачем). Поэтому вопрос об адаптации в социуме вторичный; первичный – обеспечение культуросообразной реализации соразмерно канонам мироздания. Отсюда процессы распространения и освоения относятся к разным линиям познания как единого процесса. Поэтому можно быть в позиции освоения или распространения одновременно, как частной в каждой из них, при принципиальной позиции познания. Если же говорить о предметной стороне, то астрологическое, а тем более астрософическое знание, относятся к знаниям, которые в большей мере осваиваются (будучи по своей природе эзотерическими), чем распространяются.

---

* В конце 1999 г. я переслал эту статью Т. В. Бочкаревой. Татьяна Викторовна – представитель астрософического направления познания, в прошлом – географ и эколог широкого профиля, прошла игротехническую и методологическую подготовку, участница ряда экспертиз.

Т.В.Бочкарева любезно согласилась с тем, чтобы в этой публикации были процитированы фрагменты нашей с ней «электронной микродискуссии» (вынесены в конец статьи, ссылки отмечены цифрой со звездочкой) ^{1*}.

¶ Именно этим объясняется удивительный, но неоднократно воспроизводившийся факт, состоящий в том, что все известные попытки такого типа объяснений, начинаясь привлечением одного какого-нибудь дополнительного предположения для объяснения одной группы феноменов, быстро охватывают сразу весь спектр ЭСФ без изъятия. Логик сказал бы тут, что это эффект того, что «из ложного высказывания следует что угодно»; психиатр заявил бы, что люди с неустойчивой психикой, которые, как правило, и занимаются такого рода построениями, не в состоянии контролировать границы истинности своих теорий; с

моей точки зрения, предлагаемые объяснения, как правило, строятся в тех же рамках единой непротиворечивой картины мира и минимизации сущностей.

Впрочем, такие же примеры есть и в истории естественных наук: в конце XVII века Роберт Бойль, в соответствии с теорией Ньютона, предпринял первую попытку научного обоснования тогдашней химии на основе идеи гравитационного взаимодействия между активными частицами химических субстанций – точно так же, повторяю, как введя для объяснения телепатии какую-нибудь «продольную составляющую электромагнитных волн», исследователь использует ее и для объяснения полтергейста, ясновидения и пр., и пр.

[2] В 1998 г. в среди высших священнослужителей Церкви Сознания Кришны произошел раскол. Поводом послужило следующее. Один из иерархов, имеющий множество учеников, в результате сердечного приступа пережил клиническую смерть. Выйдя из больницы, он начал вести себя не так, как раньше: учил странному, вел неправедную жизнь, женился и т.п. Часть его учеников с восторгом восприняла это новое слово в учении, считая, что в процессе смерти учителю приоткрылась новая мудрость. Остальные же были сначала шокированы его действиями, а потом поняли, в чем дело: после смерти в тело вернулась другая душа! И теперь это не иерарх, а оборотень, подменыш, самозванец, слова и дела которого хуже чем ничтожны.

Факты коренного изменения важнейших характеристик личности после клинической смерти неоднократно фиксировались психологами. Есть обыденное словоупотребление «(после сильного потрясения) его как подменили». Но только в рамках кришнаитской доктрины подобный феномен трактуется буквально – как замена души.

[3] Возможно, для подобных попыток служит образцом – в том числе – «позитивная физиология», начавшая развиваться в 50-е годы прошлого века (наиболее известные имена – Сеченов, Павлов). Эта программа была нацелена на то, чтобы вскрыть физиологические механизмы сначала «низшей», а потом и «высшей нервной деятельности», перейти от «позитивной физиологии» к «позитивной психологии». Но эти попытки оказались настолько одиозными, что уже Достоевский в «Братьях Карамазовых» (около 1880 г.) употреблял (устаи Дмитрия) имя физиолога-с-претензиями Клода Бернара как бранный термин.

[4] Два предельных примера. Естественнаучная онтология, казалось бы, не имеет второй составляющей, декларируя независимость форм и результатов научного познания от форм человеческого общежития. Однако успешность функционирования научных институтов в огромной степени зависела и зависит от выработанных социокультурных норм деятельности и жизни «жрецов науки»: нацеленность на познание, на поиск истины; научная честность; деятельное сомнение; готовность к критике; работа в экспериментальных ситуациях; «академические ценности» – и тому подобные элементы кодекса научной этики. Кстати, именно наличие такого кодекса и людей, ему следующих, сделало популярными в 60-е годы XX века технократические и сциентистские идеи: казалось, что именно такие люди смогут лучше всего справиться с общественным управлением.

Христианская онтология, казалось бы, не имеет первой составляющей, говоря исключительно об экзистенциальных вопросах и о новых формах человеческого общежития. Однако вплоть до XVIII века христианство вело жесткий отбор тех картин мира, которые ему соответствовали, а ряд создателей новой науки (Декарт, Ньютон, Лейбниц и др.) прямо использовали те или иные положения христианской теологии для формирования новых онтологических представлений (см. [2,3,6]).

[5] Года три назад началось увлечение «пирамидами» и «пирамидками» Голода (фамилия такая), «концентрирующими космическую энергию». Несколько таких сооружений метров по десять в высоту выстроено в ближнем Подмоскowie, к ним идет настоящее паломничество. Не знаю, концентрируется ли в них космическая энергия «на самом деле», но одно **вполне реальное** воздействие эти пирамиды оказывают: **сильно повышают цену на землю вокруг себя.**

[6] Эпизод из романа «Белые одежды» Дудинцева. Главному герою удалось получить семена гибрида картофеля. Сами семена он не показывает (прячет), однако его коллега демонстрирует за границей их фотографии. Герою предъявляют обвинение в научной фальсификации, в том, что гибрид реально не получен, поскольку может быть семена и есть, но вывод о том, что выращенный из них картофель будет обладать нужными свойствами, сделан на основе непризнаваемой вейсманистско-морганистской теории. Получить нужный гибрид может только лицо, владеющее приемами мичуринской агробиологии (расщатывание наследственной основы, воспитание и пр.) Таким образом, первоначальное происхождение «заготовок» (семян, в данном случае) в этом (как и в любом ином) локальном мире роли не играет: важен комплекс социальных (нужная интерпретация) и агротехнических процедур по превращению «чего-то неизвестного» в вещь данного мира. Реально требовалось, чтобы любое продвижение в сельском хозяйстве и биологии было бы атрибутировано (помечено) как продукт агробиологии и ее адептов, однако внешнее (высшее) требование научности заставляло производить опустошительные действия именно на плацдарме научных доказательств и демонстраций (а не на плацдарме социальной переинтерпретации).